

5748

5148

~~3091~~

ДВА СОВРЕМЕННЫЯ ВОПРОСА:

БЕЗДЕНЕЖЬЕ И ДОРОГОВИЗНА

Перепечатка изъ «Русскаго Мира» съ №№ 14 и 15.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Типографіи Я. В. Писарева и Комп.

Библиотека ИМЛ СССР

1860.

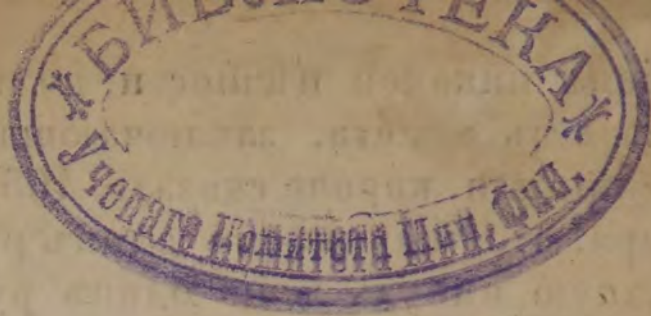

K

63623

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
LIBRARY

ДВА СОВРЕМЕННЫЯ ВОПРОСА:

БЕЗДЕНЕЖЬЕ И ДОРОГОВИЗНА.

Недостатокъ въ народномъ обращеніи звонкой монеты и дороговизна на всѣ предметы породили во всей Россіи множество толковъ и неправильныхъ заключеній, къ чему, конечно, много способствовали печатно объявленныя въ извѣстныхъ газетахъ съ диктаторскою важностію мнѣнія нѣкоторыхъ составителей газетныхъ статей, а какъ у насъ привыкли вѣрить всѣму печатному на слово, то, къ сожалѣнію, во всемъ пародѣ утвердилось неправильное заключеніе объ этихъ обоихъ предметахъ, о которыхъ стоило бы поразмыслить основательнѣе. Но какъ надо же когда нибудь познаться правильно съ дѣломъ, то я постараюсь разобрать здѣсь оба эти вопроса съ нѣкоторою подробностію и вывести правильное о нихъ заключеніе.

Первый вопросъ, конечно, долженъ состоять въ томъ, — куда или отчего теряется у насъ изъ народнаго обращенія звонкая монета? Насъ хотятъ увѣрить, что причина этого исчезновенія монеты заключается въ томъ, что въ настоящее время серебро вздорожало, отчего нашъ серебряный рубль заключаетъ нынѣ въ себѣ серебра, по настоящей цѣнности сего металла, болѣе чѣмъ на одинъ рубль, а потому — де выгодно плавить рубли, получая чрезъ сплавку ихъ слитки, въ которыхъ заключается серебра на большее число рублей, чѣмъ было ихъ въ монетѣ. Удивляюсь, какимъ образомъ могло породиться подобное толкованіе и разберу его подробнѣе.

Слово „рубль“, какъ названіе монеты, не имѣетъ въ себѣ никакого значенія, не опредѣляя своимъ на-

званіемъ никакой цѣнности; но по нашимъ узаконеніямъ рубль есть монета, заключающая въ себѣ 4 золотника 21 долю, или, короче сказать, 405 долей чистаго серебра. Говоря, что мы имѣемъ одинъ рубль, или что заплатили за какую нибудь вещь одинъ рубль, мы говоримъ, что имѣемъ 405 долей чистаго серебра, или заплатили за вещь 405 долей чистаго серебра, и въ этомъ видѣ слова наши имѣютъ уже положительный смыслъ. Потому слово рубль мы можемъ замѣнить совершенно правильно названіемъ 405 долей чистаго серебра. Если мы скажемъ, что какая нибудь вещь стоитъ болѣе одного рубля, то этимъ мы выразимъ, что она стоитъ болѣе 405 долей чистаго серебра; если мы скажемъ, что какая нибудь монета заключаетъ серебра болѣе, чѣмъ на одинъ рубль, это будетъ значить, что она заключаетъ серебра болѣе 405 долей. Какимъ же образомъ наши толкователи и учителя могутъ утверждать, что по случаю вздорожанія серебра, въ рубльъ заключается его теперь болѣе, чѣмъ на одинъ рубль. Увѣрять въ этомъ, значить увѣрять въ томъ, что 405 долей чистаго серебра заключаютъ въ себѣ болѣе чѣмъ 405 долей чистаго серебра. Гдѣ же здѣсь смыслъ?

Монета всѣхъ государствъ готовится изъ двухъ драгоцѣнныхъ металловъ, изъ золота или изъ серебра, но мѣриломъ цѣнности берется только одинъ изъ этихъ двухъ металловъ, и въ Россіи принято для того серебро; тѣмъ не менѣе цѣнность ихъ опредѣляется взаимно одного другимъ. Если мы скажемъ, что вздорожало золото, это покажетъ, что подешевѣло серебро; теперь говоря, что вздорожало серебро, мы выражаемъ этимъ, что подешевѣло золото. Посему если мы допустимъ, что въ Россіи нѣтъ въ обращеніи серебряной монеты потому только, что серебро вздорожало, то тѣмъ болѣе должно бы быть въ обращеніи монеты золотой, которая должна чрезъ это подешевѣть. Но золотой монеты видимъ мы еще менѣе, а потому невольно должны придти къ тому заключенію, что исчезновеніе нашей монеты происходитъ не отъ вздорожанія или удешевленія того или другаго металла, а отъ какой нибудь другой причины.

Причина же эта есть именно невыгодное для насъ настоящее положеніе нашей заграничной торговли. По-

на рубль мы почитаемъ за единицу, но по закону, по которому рубль равенъ 405 долямъ чистаго серебра, то мы имѣемъ 405 долей чистаго серебра за одинъ рубль.

слѣдній тарифъ понизилъ таможенные пошлины почти на всѣ привозимые изъ за границы предметы роскоши, чрезъ что увеличился привозъ ихъ въ Россію, а увеличеніе привоза заграничныхъ товаровъ, безъ соразмѣрнаго при томъ по цѣнности увеличенія отпуска за границу нашихъ товаровъ, конечно, должно имѣть послѣдствіемъ вывозъ изъ Россіи драгоцѣнныхъ металловъ. Возьмемъ для примѣра одно наше повидимому весьма незначительное и безвредное лакомство, именно апельсины, и сдѣлаемъ примѣрно маленькое соображеніе, какихъ расходовъ можетъ оно стоить государству. Примемъ въ расчетъ, что въ Петербургѣ находится 600,000 жителей, включая въ число ихъ, сверхъ постоянно проживающихъ здѣсь, также и временно пріѣзжихъ, какихъ должно считать до 100,000 человекъ. Въ теченіе весеннихъ и первыхъ лѣтнихъ мѣсяцевъ уже конечно никто изъ жителей Петербурга не съѣстъ менѣе 5 апельсиновъ, на долю же многихъ придется и по нѣскольку десятковъ, потому я буду считать круглымъ числомъ на каждого по 10 апельсиновъ, что при 600,000 жителей, составитъ на Петербургъ 6 милліоновъ ихъ. Затѣмъ, принимая, что въ Россіи 60 милліоновъ жителей, т. е. въ 100 разъ болѣе, чѣмъ въ Петербургѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, принимая въ расчетъ, что не во всѣхъ мѣстахъ ея получаютъ апельсины такъ удобно какъ здѣсь, все число съѣдаемыхъ въ Россіи апельсиновъ мы увеличимъ противъ Петербурга не во сто разъ, но только въ десять, и увидимъ, что въ Россіи потребляется апельсиновъ 60 милліоновъ, кромѣ тѣхъ, которые, будучи привезены къ намъ и уплачены нашими торговцами заграничнымъ купцамъ, окажутся испорченными и будутъ выкинуты изъ ящиковъ, не пуская ихъ въ продажу. Судя по продажной цѣнѣ апельсиновъ, можно весьма близко предположить, что нашимъ купцамъ каждый апельсинъ обходится по 2 копейки серебромъ, и тогда всѣ привезенные въ Россію 60 милліоновъ апельсиновъ будутъ стоить 1.200.000 рублей серебромъ, т. е. нынѣшней нашей серебряной монеты вѣсомъ 1518 пудъ 30 фунтовъ, или полумпериаловъ до 95 пудовъ. Такъ вотъ чего стоитъ Россіи это наше безвредное повидимому лакомство. Много нужно нашихъ сырыхъ и нецѣнныхъ

произведеній, нашего хлѣба, сала, пеньки и лѣсу, чтобы вознаградить ввозъ однихъ только апельсиновъ. А теперь, когда наши барыни, благодаря новому тарифу, одѣваются не иначе, какъ въ ліонскіе шелка и брюссельскіе кружева, можно представить себѣ, — имѣемъ ли мы средства вознаградить цѣнность всего этого нашими грубыми сырыми матеріалами, составляющими предметы отпуска за границу нашей виѣшной торговли. Если бы увеличенный привозъ иностранныхъ товаровъ послужилъ къ соразмѣрному, по цѣнности ихъ, увеличенію отпуска за границу нашихъ товаровъ, то, конечно, мы не остались бы въ потерѣ, но какъ опытъ показываетъ противное, то по необходимости разность въ цѣнности между привозомъ и отпускомъ мы должны приплачивать звонкою монетою и наше безденежье есть неизбѣжное послѣдствіе этого невыгоднаго состоянія заграничной торговли.

Я сказалъ здѣсь о невыгодномъ состояніи нашей торговли только относительно увеличеннаго привоза въ Россію предметовъ роскоши, но долженъ присовокупить къ этому еще и другія статьи привоза, поглощающія въ огромныхъ размѣрахъ нашу звонкую монету и отправляющія ее въ иностранныя государства. Обратите вниманіе на то лихорадочное стремленіе ко всевозможнымъ отраслямъ промышленности, которое проявилось въ Россіи въ теченіе послѣднихъ трехъ или четырехъ лѣтъ, на то множество акціонерныхъ обществъ, которыя образовались у насъ въ послѣдніе годы. Сколько понадобилось для новыхъ предпріятій машинъ, приборовъ, аппаратовъ, которые выписаны для нихъ изъ заграницы, и какія ужасныя суммы денегъ отпускаетъ за нихъ Россія въ чужія государства. Считите стоимость паровозовъ, другихъ машинъ и приборовъ, наконецъ рельсовъ, ежегодно доставляемыхъ въ Россію для одного главнаго общества русскихъ желѣзныхъ дорогъ и сравните цѣнность ихъ съ цѣнностію вывозимыхъ изъ Россіи сырыхъ продуктовъ, и тогда вы не удивитесь, что въ Россіи не остается въ обращеніи звонкой монеты.

Но я не кончу еще и этимъ и прошу обратить вниманіе во первыхъ на ту нашу звонкую монету, которая издерживается за границею правительствомъ на

содержаніе нашихъ дипломатическихъ миссій, на командированіе въ чужіе края должностныхъ лицъ по казенной надобности, на уплату по разнымъ заказамъ, дѣлаемымъ отъ правительства, и во вторыхъ на огромныя суммы, издерживаемыя за границею безсчетнымъ числомъ нашихъ путешественниковъ и въ особенности путешественницъ. Тутъ опять мы теряемъ милліоны.

Въ № 254 Сѣверной Пчелы 1859 года помѣщено извѣстіе, что съ 1 января по 1 ноября 1859 года, чрезъ С. Петербургскій Почтамтъ и С. Петербургскую Таможню, вывезено изъ Россіи золота и серебра въ монетѣ и въ слиткахъ на 20.026.784 рублей серебромъ, а привезено на 850.842 рубля, слѣдовательно чрезъ эти два источника въ 10 мѣсяцевъ уменьшилось въ Россіи драгоцѣнныхъ металловъ на 19.175.942 рубля. Принимая въ расчетъ, что въ такой же соразмѣрности былъ вывозъ изъ Россіи драгоцѣнныхъ металловъ и чрезъ другіе пограничныя почтамты и таможни, можно почти безошибочно выведенную выше потерю для всѣхъ пограничныхъ мѣстъ Россіи принять въ 5 разъ болѣе, и тогда мы увидимъ, что мы по всему государству теряемъ въ 10 мѣсяцевъ драгоцѣнныхъ металловъ на 95.879.710 рублей, а въ годъ сшликомъ на 115 милліоновъ рублей. Въ Россіи въ прдолженіе послѣднихъ 15 лѣтъ постоянно выдѣлывается въ годъ монеты золотой около 20, и серебряной около $3\frac{1}{2}$ милліоновъ рублей, потому, принимая эту выдѣлку въ расчетъ, открывается, что изъ Россіи ежегодно убываетъ болѣе $91\frac{1}{2}$ милліона рублей серебромъ звонкой монеты.

И такъ вотъ гдѣ корень нашего безденежья, поглощающій равно какъ золотую, такъ и серебряную монету. Но въ отношеніи послѣдней должно прибавить еще другое, хотя и менѣе значительное обстоятельство, способствующее къ ея исчезновенію, именно переплавку ея въ издѣлія. Извѣстный всѣмъ общій отливъ серебра изъ Европы на востокъ, сдѣлалъ серебро металломъ болѣе рѣдкимъ, а потому затруднивъ пріобрѣтеніе его въ Европѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ конечно возвысилъ цѣну на него. Наши законоположенія о кредитныхъ билетахъ не дозволяютъ въ торговлѣ обращенія ихъ иначе, какъ по ихъ номинальной цѣнѣ, или, говоря другими словами, не допускаютъ лажа, а пото-

му при покупкѣ товаровъ изъ лавокъ или магазиновъ цѣна не измѣняется, — будетъ ли уплата произведена серебряною монетою или кредитными билетами. Но если мастеръ пожелаетъ для своихъ издѣлій купить серебро въ слиткахъ, уплачивая за него кредитными билетами, то продавецъ уже не стѣсняется узаконеніями о номинальномъ равенствѣ цѣны билетовъ и звонкой монеты, и тогда покупающій не получитъ на каждый рубль билетами въ слиткѣ чистаго серебра 405 долей, заключающихся въ каждомъ серебряномъ рублѣ, но нѣсколько меньшее его количество, что указываетъ только на нѣкоторое паденіе курса кредитныхъ билетовъ, которое не обнаруживается въ торговлѣ только въ слѣдствіе узаконеній о кредитныхъ билетахъ. Если же нуждающійся въ серебрѣ соберетъ нѣсколько серебряныхъ рублей, рублями или разнѣною монетою, и сплавитъ ихъ, то онъ за каждый изъ нихъ, за весьма малымъ угаромъ, далеко не достигающимъ невыгодъ покупки серебра на кредитные билеты, получитъ по 405 долей чистаго серебра, что явно указываетъ на выгоду переплавки серебряной монеты.

Выгодѣ или удобству переплавки много способствуютъ еще узаконенныя пробы серебра въ монетѣ и для издѣлій. Для монеты назначена проба $83\frac{1}{3}$, а для издѣлій 84. Какъ для серебряныхъ вещей допускается терпимость на $\frac{1}{2}$ пробы, то они могутъ быть приготовляемы изъ серебра и $83\frac{1}{2}$ пробы, такимъ образомъ издѣлія и монета могутъ имѣть разность въ пробѣ только на $\frac{1}{6}$ часть, а какъ при переплавкѣ монеты заключающаяся въ ней мѣдь въ количествѣ $12\frac{2}{3}$ золотника въ фунтѣ, будучи по свойствамъ ея подвержена чрезъ дѣйствіе наружнаго воздуха болѣе удобному окисленію, частію выгораетъ, то этимъ самымъ проба серебра возвышается до такой степени, что она уже подходитъ къ пробѣ, узаконенной или хотя дозволенной для издѣлій, на которыя сплавленная монета можетъ быть уже прямо употреблена.

Нѣкоторыя газеты, какъ и упомянутый уже здѣсь № 254 Сѣверной Пчелы, насъ хотятъ утѣшить въ вывозѣ за границу нашей звонкой монеты и потому говорятъ, что звонкая монета есть товаръ; но къ чему послужитъ подобное возглашеніе? Что звонкая монета

есть товаръ, это извѣстно всякому ученику политической экономіи и для людей знакомыхъ съ этою наукою излишне приводить въ газетной статьѣ подобныя истины; для незнающихъ же ее недостаточно только сказать это, но нужно и доказать. Но наконецъ, что же изъ этого слѣдуетъ, что монета есть товаръ? Между товарами есть большая разница: и хлѣбъ есть товаръ, но если бы вывезли изъ Россіи весь хлѣбъ, я думаю, не любо было бы намъ сидѣть безъ него. Также и монета есть товаръ, необходимый для каждаго государства, а то для чего же стали бы правительства всѣхъ странъ хлопотать о приготовленіи звонкой монеты? Это одно уже указываетъ необходимость ея. Безъ денегъ должно будетъ обратиться къ мѣновой торговлѣ, а развѣ это будетъ хорошо для образованнаго государства и не въ этомъ ли видятъ прогрессъ составители легонькихъ газетныхъ статей? Развѣ мы и теперь не слышимъ жалобъ на недостатокъ денегъ, развѣ не видимъ затрудненій въ торговлѣ, развѣ общій упадокъ цѣны на всѣ акціи торговыхъ и промышленныхъ обществъ не указываетъ намъ на стѣсненія отъ недостатка денегъ? Нѣтъ, милостивый государь! Не утѣшайте насъ въ вывозѣ денегъ за границу, отчего мы уже ясно ощущаемъ послѣдствія.

Намъ можетъ быть возразятъ, что мы имѣемъ въ изобиліи кредитные билеты. Это справедливо, но кредитные билеты суть только представители денегъ, бумажные знаки ихъ, и безъ сомнѣнія они весьма хороши и весьма полезны, но не иначе, какъ только при настоящихъ деньгахъ, т. е. при звонкой и полноцѣнной монетѣ.

Странно было бы совѣтовать запретить вывозъ денегъ за границу, чего желаютъ нѣкоторые, если вѣрить тому же номеру Сѣверной Пчелы, о которомъ было говорено выше. Это совершенно убило бы нашу внѣшнюю торговлю, къ явному вреду для государства, но нужно привести нашу торговлю въ такое состояніе, чтобы цѣнность привоза и отпуска равнялась между собою, или даже отпускъ товаровъ превосходилъ бы привозъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ озаботиться уменьшеніемъ вывоза за границу металлическихъ денегъ и другими нынѣ свободно-открытыми путями, и тогда у насъ опять появятся наши рублевики и полунимперіалы, вы-

ровняется курсъ кредитныхъ билетовъ, оживится внутренняя промышленность, прекратятся жалобы и по всей Россіи распространится довольство.

Обращаюсь ко всеобщей для всѣхъ тяжелой и стѣснительной дороговизнѣ.

Объ этомъ предметѣ существуютъ два различныя мнѣнія: одни видятъ въ дороговизнѣ упадокъ курса нашихъ кредитныхъ билетовъ, другіе же приписываютъ ее слишкомъ большой монетной единицѣ, принятой въ Россіи, ссылаясь на то обстоятельство, что при счетѣ денегъ на старинныя ассигнаціи все было дешевле, чѣмъ теперь при счетѣ на серебряные рубли. Посмотримъ въ какой мѣрѣ могутъ быть справедливы оба эти мнѣнія.

Вспомнимъ время царствованія Императора Александра I и первые годы царствованія Императора Николая I, когда въ обращеніи были однѣ только бумажныя ассигнаціи, не имѣвшія свободнаго обмѣна на звонкую монету, не обезпеченныя никакимъ денежнымъ фондомъ, и которыя потому должны были внушать еще менѣе довѣрія, чѣмъ нынѣшніе кредитные билеты. Тѣмъ неменѣе въ то время не только не было такой ужасной дороговизны, какъ теперь, но даже напротивъ все было очень дешево, особенно сравнительно съ настоящимъ временемъ. Замѣтимъ еще болѣе,—теперь при промѣнѣ кредитныхъ билетовъ у мѣняль на звонкую серебряную монету, кажется небыло случаевъ, чтобы за этотъ промѣнъ платили болѣе 5 или 6 процентовъ, обмѣниваемой суммы, а это указываетъ, что курсъ кредитныхъ билетовъ упалъ не болѣе, какъ на 6 процентовъ, цѣны же всѣхъ или наибольшей части предметовъ торговли возвысились въ 2, въ 3 и даже въ 4 раза сравнительно съ тѣмъ, чего стоили они за 20 лѣтъ предъ симъ. Слѣдовательно, причины дороговизны должно искать въ чемъ нибудь другомъ, а не въ упадкѣ курса кредитныхъ билетовъ.

Обращаясь къ тому, что не было ли причиною дороговизны назначеніе слишкомъ большой монетной единицы, или другими словами, что не произошла ли она отъ замѣны, бывшаго счетною единицею ассигнаціоннаго рубля, рублемъ серебрянымъ, я долженъ сказать, что нынѣшній серебряный рубль нисколько не вино-

вать въ нашей дороговизнѣ. Ассигнаціи учреждены манифестомъ Императрицы Екатерины II отъ 29 декабря 1768 года, и выпущены въ обращеніе въ 1769 г. Слѣдовательно, до 1769 года въ Россіи не видали ассигнацій и всѣ счета производились на серебряный рубль, имѣвшій ту же самую цѣнность, какъ и нынѣшній, т. е. заключавшій въ себѣ 405 долей чистаго серебра, а потому время до 1769 года въ отношеніи монетной единицы было совершенно сходно съ настоящимъ временемъ. Но кажется излишне говорить здѣсь, что въ 1768 году все было несравненно дешевле, чѣмъ теперь. Прямое указаніе на то, что не серебряный рубль произвелъ нашу дороговизну. Будемъ же доискиваться другихъ причинъ.

Предметы дешевѣютъ, если при равномъ сбытѣ на нихъ, они будутъ пущены въ продажу въ болѣе значительномъ количествѣ, или, что все равно, при такомъ же количествѣ ихъ въ торговлѣ на нихъ уменьшается запросъ. При противныхъ обстоятельствахъ товары дорожаютъ. Но такое явленіе можетъ быть только съ отдѣльными предметами торговли, а какъ у насъ цѣны поднялись на все безъ исключенія, то причину этого надо искать въ чемъ нибудь другомъ.

Выше было упомянуто, что пониженіе курса на кредитные билеты нельзя считать болѣе, какъ на 6 процентовъ, потому если этотъ упадокъ могъ возвысить всѣ цѣны, то не болѣе какъ на 6 же процентовъ, изъ чего видно, что къ увеличенію цѣнъ отъ 2 до 4 разъ всей стоимости, должны были способствовать и еще другія болѣе важныя причины.

Еще въ нѣкоторой степени къ общему возвышенію цѣнъ послужило возвышеніе платы за рабочій трудъ. Основаніемъ этому было крутое требованіе на рабочихъ при нашемъ внезапномъ обращеніи къ промышленнымъ предпріятіямъ по устройству фабрикъ, заводовъ и особенно желѣзныхъ дорогъ, при чемъ сдѣлался запросъ на цѣлыя сотни тысячъ рабочихъ людей, что, конечно, должно было поднять заработную плату имъ, а тѣмъ не могло не сдѣлать общаго повышенія цѣнъ на всѣ предметы. Тѣмъ не менѣе и это повышеніе ни въ какой мѣрѣ не могло поднять такъ цѣны, какъ она поднялась теперь, да сверхъ того это уве-

личное требованіе на рабочихъ появилось не далѣе, какъ за два или за три года предъ симъ, а постоянное возвышеніе цѣнъ началось за двадцать лѣтъ, слѣдовательно для него нужно отыскивать причины и болѣе важныя, и сверхъ того породившіяся ранѣе нашего лихорадочнаго стремленія къ фабрикамъ и желѣзнымъ дорогамъ.

Чтобы открыть наконецъ корень нашей дороговизны, припомнимъ во первыхъ то, что начало постоянного возвышенія цѣнъ на всѣ предметы относится именно ко времени введенія у насъ монетною единицею серебрянаго рубля, отчего и породилось мнѣніе большинства народонаселенія, будто бы причиною этому былъ нашъ новый серебряный рубль, и затѣмъ прослѣдимъ—какія частныя послѣдствія произвело это измѣненіе монетной системы, независимо отъ величины монетной единицы, сравнивъ всѣ сорта монеты дешеваго времени царствованій Екатерины II и Александра I, съ такими же настоящаго времени.

Въ царствованіе Екатерины II единицею былъ серебряный рубль нынѣшней же цѣнности, т. е. содержащій въ себѣ 405 долей чистаго серебра. Онъ дѣлился на 100 копѣекъ, копѣйка дѣлилась на двѣ деньги, и деньга дѣлилась на двѣ полушки. Такимъ образомъ въ то время наименьшая представительница цѣнности была полушка, т. е. одна четырехсотая часть рубля, вѣсомъ серебра $1\frac{1}{80}$ часть доли.

Учрежденныя въ 1768 году ассигнаціи, рубль которыхъ соотвѣтствовалъ бывшему въ обращеніи рублю серебромъ, съ самаго перваго года выпуска ихъ начали терять свою цѣнность и притомъ въ порядкѣ, указываемомъ слѣдующею таблицею въ процентахъ стоимости ассигнаціоннаго рубля, сравнительно съ серебрянымъ рублемъ.

Годы.	Цѣна.	Годы.	Цѣна.
1769	— 0,99%	1792	— 0,79 $\frac{1}{3}$ %
1770	— 0,99 »	1793	— 0,74 »
1771	— 0,98 »	1794	— 0,71 »
1772	— 0,97 »	1795	— 0,68 $\frac{1}{2}$
1773	— 0,98 »	1796	— 0,76 $\frac{1}{2}$
1774	— 1,00 »	1797	— 0,79 $\frac{1}{3}$
1775	— 0,99 »	1798	— 0,73 »

Годы.	Цѣна.	Годы.	Цѣна.
1776	— 0,99 »	1799	— 0,67 ¹ / ₂
1777	— 0,99 »	1800	— 0,65 ¹ / ₃
1778	— 0,99 »	1801	— 0,66 ¹ / ₄
1779	— 9,99 »	1802	— 0,71 ² / ₃
1780	— 0,99 »	1803	— 0,80 »
1781	— 0,99 »	1804	— 0,79 ¹ / ₃
1782	— 0,99 »	1805	— 0,77 »
1783	— 0,99 »	1806	— 0,73 »
1784	— 0,98 »	1807	— 0,67 ¹ / ₂
1785	— 0,98 »	1808	— 0,53 ³ / ₄
1786	— 0,98 »	1809	— 0,44 ² / ₃
1787	— 0,97 ⁰ / ₀	1810	— 0,33 ¹ / ₃ ⁰ / ₀
1788	— 0,92 ³ / ₅	1811	— 0,25 ² / ₅
1789	— 0,91 ³ / ₄	1812	— 0,26 ² / ₅
1790	— 0,87 »	1813	— 0,25 ¹ / ₅
1791	— 0,81 ¹ / ₃	1814	— 0,25 ¹ / ₅

Такимъ образомъ въ 46 лѣтъ цѣнность ассигнацій упала до одной четверти ихъ первоначальной цѣны, ибо хотя за 1814 годъ курсъ ихъ показанъ по таблицѣ въ 25¹/₅ процента, но серебряная размѣнная монета имѣла въ торговлѣ курсъ нѣсколько выше, чѣмъ рубль, и четвертакъ (25-ти-копѣчникъ) постоянно и всѣми принимался за одинъ рубль ассигнаціями, а соразмѣрно тому и прочая мелкая монета.

Что же случилось въ это время съ цѣнностію различныхъ предметовъ въ торговлѣ? Они сдѣлались, вообще говоря, въ четыре раза дороже, но только дороже номинально, т. е. тотъ предметъ, который въ 1768 году стоилъ одинъ рубль, въ 1814 и слѣдующихъ годахъ продавался за четыре рубля, но въ 1768 году за него требовали рубль серебромъ, а въ 1814 году четыре рубля, которые были ассигнаціонные, и составляли четыре четвертака, слѣдовательно на самомъ дѣлѣ цѣнность предметовъ торговли не увеличилась. Тѣмъ не менѣе, чрезъ это весьма сильно страдали люди, жившіе постоянными доходами, потому что, получая одно и то же число рублей, до 1769 года они ихъ получали каждый рубль цѣнностію въ 405 долей чистаго серебра, а въ 1814 году, при такомъ же числѣ ихъ, каждый получаемый ими рубль былъ только въ 101¹/₄ долю чистаго серебра.

Конечно, нѣкоторые товары въ этотъ промежутокъ времени должны были подорожать, но такому вздорожанію подверглись только тѣ изъ нихъ, на которые увеличился запросъ, безъ увеличенія количества произведенія или привоза ихъ, за то многіе изъ нихъ весьма подешевѣли, особенно же послѣ 1814 года, когда, по случаю заключенія всеобщаго мира, оживилась торговля съ ея благодѣтельными послѣдствіями.

Между тѣмъ собственно въ монетѣ произошелъ тотъ важный переворотъ, что торговый рубль 1768 года, въ 405 долей чистаго серебра, обратился въ рубль въ $101\frac{1}{4}$ долю чистаго серебра, т. е. сталъ въ четыре раза меньше. Естественно, что при этомъ на столько же понизились и дробныя части новаго рубля, а потому одной копѣйкѣ 1768 года стали равняться четыре новыя ассигнаціонныя копѣйки, двѣ ассигнаціонныхъ копѣйки обратились въ Екатерининскую денежку (денежку), а одна ассигнаціонная копѣйка составила полушку 1768 года.

Добрые старички и старушки, расхваливая благодатные годы своей молодости, жаловались на общую дороговизну, не обращая вниманіе на то, что новые четыре рубля составляютъ не болѣе одного рубля ихъ молодыхъ лѣтъ; жаловались на то, что нельзя ничего купить за денежку и полушку, не подозрѣвая того, что, покупая что нибудь на двѣ и на одну копѣйку ассигнаціями, они платятъ ту же денежку и ту же полушку, которыя они платили въ своей молодости. Но между тѣмъ пора денежекъ и полушекъ прошла и въ общемъ мнѣніи народа освоилась и укоренилась мысль, что денежки и полушки не могутъ уже служить выраженіемъ цѣнности какого либо предмета.

При такомъ положеніи дѣлъ и при такомъ настроеніи народнаго мнѣнія застала Россію замѣна ассигнаціоннаго рубля новою монетною единицею, рублемъ серебрянымъ. Но при учрежденіи счисленія на рубль серебромъ видѣли, что наименьшее въ то время употребительное въ торговлѣ дѣленіе рубля, одна копѣйка, было бы при серебряномъ рублѣ слишкомъ велико для мелочныхъ расчетовъ потому, что, оно представляя копѣйку серебромъ, было въ четыре раза болѣе противъ бывшей въ обращеніи наименьшей дѣлимости рубля, ассигнаціонной копѣйки. По этому новую серебряную

копѣйку раздѣлили еще на двѣ половины серебряной копѣйки, и каждую половину на двѣ четверти ея, подѣлываясь тѣмъ подѣ старинныя денежки и полушки, или подѣ предшествовавшія новому расчету копѣйки и двухкопѣечники ассигнаціями.

Мѣра эта имѣла благодѣтельную цѣль, но, къ сожалѣнію, она не удалась на дѣлѣ: новыя полукопѣйки и четверти копѣекъ не были приняты въ торговлѣ и вообще народомъ. Почему это случилось такъ, — на этотъ вопросъ трудно отвѣчать; можетъ быть нашему народу, не твердому въ ариѳметикѣ, показалось трудно ввести въ свои расчеты дроби, можетъ быть это было слѣдствіемъ вкоренившейся привычки считать копѣйку наименьшею представительницею монеты, можетъ быть потому, что въ половинахъ и четвертяхъ копѣекъ народъ угадывалъ прежнія денежки и полушки, которыя народомъ были уже отринуты при счетѣ на ассигнаціи, можетъ быть потому, что со введеніемъ новаго счета на рубль серебромъ вѣсь мѣдной монеты была очень уменьшена тѣмъ, что изъ одного пуда мѣди начали готовить мѣдную монету по 16 рублей на серебро, между тѣмъ какъ продажная цѣна мѣди была отъ 8 до 9 рублей за пудъ, можетъ быть потому, что вообще новое измѣненіе монетной системы не нравилось массѣ народа, которая въ особенности съ какимъ-то неудовольствіемъ смотрѣла на маленькія мѣдныя монетки, представляющія половины и четверти копѣекъ, а особливо послѣ 1849 года, когда вѣсь мѣдной монеты уменьшили еще вдвое и начали изъ одного пуда мѣди готовить монеты на 32 рубля серебромъ, можетъ быть потому, что половина и четвертей копѣекъ было мало выпущено въ обращеніе и не доставало для введенія въ расчеты при всѣхъ уплатахъ, наконецъ можетъ быть и по всѣмъ вышепрописаннымъ причинамъ вмѣстѣ. Впрочемъ, какое бы ни было къ тому основаніе, но половины и четверти копѣекъ не вошли въ употребленіе и остались существовать только при однихъ расчетахъ въ казенныхъ дѣлахъ и въ таксахъ на товары, утверждаемыхъ правительствомъ.

Позволю себѣ сдѣлать здѣсь маленькое отклоненіе отъ прямой цѣли моихъ разсужденій и потолковать

нѣсколько поподробнѣе о нашей нынѣшней мѣдной монетѣ.

Одинъ изъ числа добрыхъ знакомыхъ моихъ, человекъ весьма умный и почтенный, воспитывавшійся въ одномъ изъ иностранныхъ университетовъ и большой почитатель теорій политической экономіи, часто изъявлялъ мнѣ свое неудовольствіе на нашъ русскій народъ за то, что онъ не полюбилъ новыхъ мѣдныхъ монетъ, приготавливаемыхъ по нарицательной цѣнѣ ихъ гораздо выше, сравнительно съ торговою цѣною мѣди, объясняя, что народъ долженъ бы былъ понять, что мѣдная монета не есть платежная, а только додаточная, и что потому нѣтъ надобности приготавливать ее по настоящей торговою цѣнѣ мѣди, но если же народъ не понимаетъ этого, то его должно вразумить.

Намъ, изучавшимъ политическую экономію, истинны эти должны быть понятны, но какъ же требовать, чтобы въ нихъ вразумить цѣлое народонаселеніе государства, имѣющаго 60 милліоновъ жителей. Идея довольно странная. Въ особенности же это невозможно при настоящихъ, можно сказать, исторически-случайныхъ обстоятельствахъ Россіи и ея народонаселенія. Должно принять во вниманіе, что еще половина, если не болѣе, всѣхъ жителей Россіи помнитъ то время, предшествовавшее утвержденію монетною единицею рубля серебромъ, когда въ обращеніи были наши старинныя ассигнаціи, а звонкою монетою служила одна тяжеловѣсная мѣдная монета, которою народъ измѣрялъ цѣнность бумажныхъ представителей монеты. Теперь наступило точно такое же время; рубли серебряные народъ видитъ только въ ихъ бумажныхъ представителяхъ — кредитныхъ билетахъ, размѣнная серебряная монета покупается у мѣняль съ уплатою 5 или 6 процентовъ стоимости ея, сверхъ настоящей цѣны, а при покупкахъ можно получить серебряную монету въ сдачу на кредитные билеты только въ такихъ магазинахъ или лавкахъ, гдѣ берутъ выгоды на товаръ по 20 или 25 процентовъ, и которые потому доступны однимъ богатымъ людямъ, а для массы народа остаются чужды. Какъ же послѣ того винить народъ въ томъ, что онъ недоволенъ единственною представительницею въ его глазахъ звонкой монеты, т. е. мо-

нетою мѣдною, которая по номинальной цѣнности ея въ три раза дороже сравнительно съ продажною цѣною мѣди.

Всякая теорія хороша на своемъ мѣстѣ, но къ практикѣ она должна быть прилагаема сообразно мѣстнымъ обстоятельствамъ. Конечно, для государствъ богатыхъ въ звонкой монетѣ изъ драгоценныхъ металловъ нѣтъ надобности, — даже если угодно, то и вредно по причинамъ, которыя излишне было бы объяснять въ журнальной статьѣ, дѣлать мѣдную монету въ вѣсъ, равный продажной цѣнѣ ея; но у насъ по особымъ, исключительнымъ изъ общихъ правилъ причинамъ, протитительно народу желать, чтобы мѣдная монета, наша единственная звонкая монета, хотя приближалась нѣсколько вѣсомъ къ продажной цѣнѣ мѣди.

Нашъ теоретикъ разсуждаетъ такъ: если серебряный рубль опредѣленъ въ 405 долей чистаго серебра, то въ каждой копѣйкѣ, составляющей сотую часть его, народъ долженъ видѣть $4\frac{1}{20}$ долю чистаго серебра. Но наука дозволяетъ разбирать каждый предметъ аналитически и синтетически, т. е., взявши за основаніе цѣлое, сдѣлать по немъ заключеніе о частяхъ его, или, разсмотрѣвши части, сдѣлать по нимъ выводъ о цѣломъ. Народъ, не видя цѣлаго рубля, по необходимости, долженъ составлять себѣ понятіе о рубляхъ, складывая для того цѣнность мѣди ста копѣекъ, находящихся въ обращеніи. Такимъ образомъ, взвѣсивши мѣдной монеты на одинъ рубль, онъ получитъ $1\frac{1}{4}$ фунтъ мѣди, затѣмъ, прицѣняясь сколько за этотъ вѣсъ мѣди можно получить чистаго серебра, онъ увидитъ (при нынѣшней цѣнѣ мѣди около 10 рублей за пудъ), что за эту мѣдь онъ можетъ имѣть 1 золотникъ $30\frac{1}{2}$ долей (весьма съ небольшимъ) чистаго серебра, что и укажетъ ему цѣнность серебрянаго рубля слишкомъ въ 3 раза менѣе противъ истинной цѣнности, и поэтому разсчету онъ будетъ продавать свой товаръ также слишкомъ въ 3 раза дороже. Вотъ и еще одна причина къ возвышенію цѣнъ. Конечно, многіе изъ торговцевъ понимаютъ истинный разсчетъ цѣнности серебрянаго рубля, и могутъ судить правильно о значеніи мѣдной монеты въ торговлѣ, но изъ числа этихъ многихъ, безъ сомнѣнія, найдется довольно и такихъ,

которые не смотря на то, при неимѣннн въ обращеннн звонкой монеты полной цѣнности, пользуются легко-вѣсностнн мѣдной монеты изъ своихъ корыстныхъ видовъ.

Заговоривши о легковѣсной мѣдной монетѣ, я отдалился отъ главнаго предмета, именно о влнннн на торговлю и на цѣнность товаровъ полукопѣекъ и четвертей копѣекъ, учрежденныхъ при введеннн счета на рубль серебромъ, и потомъ въ 1849 году переименованныхъ въ денежки и полушки. Обращаюсь вновь къ этому предмету.

Я показалъ выше, что половины и четверти копѣекъ не были приняты народомъ, у котораго указанннмъ наименьшей цѣнности осталась копѣйка, но на этотъ разъ копѣйка серебромъ. Составляя рубли изъ наименьшихъ частей дѣленн ихъ, чтобы дойти до цѣнности нынѣшняго рубля серебромъ, въ царствованнн Екатерины II нужно было пересчитать 400 тогдашнихъ полушекъ, наименьшихъ цѣнностей того времени; при Александрѣ I, для того же нужно было пересчитать 400 ассигнаціонныхъ копѣекъ, со времени же новаго введеннн счета на рубль серебромъ, при отвергнутыхъ полсвинахъ и четвертяхъ копѣекъ, этотъ рубль достигается пересчитавши только 100 нынѣшнихъ наименьшихъ цѣнностей, нынѣшнихъ копѣекъ на серебро. Какъ большнн величины состояются изъ извѣстнаго числа ихъ частей, и какъ одну и ту же цѣнность, рубль въ 405 долей чистаго серебра, прежде составляли изъ 400 маленькихъ частей, нынѣ же торговцы всѣхъ степеней составляютъ его только изъ 100 частей, то весьма естественно, что этотъ рубль въ ихъ глазахъ сталъ въ четыре раза менѣе.

При рублѣ 1768 года и при рублѣ ассигнаціонномъ, продавая возможно дешевый предметъ, торговецъ бралъ за него возможно малую представительницу монеты, т. е. или полушку, или копѣйку ассигнаціями и получалъ $1\frac{1}{80}$ доли чистаго серебра. Теперь за возможно дешевый предметъ торговецъ требуетъ и по необходимости ему уплачиваютъ одну копѣйку серебромъ, т. е. $4\frac{1}{20}$ доли чистаго серебра. При продажѣ другаго предмета болѣе дорогаго, который примѣрно при обманѣ потребовалъ бы сто вышеупомянутыхъ де-

шевыхъ предметовъ , при полушкахъ и ассигнаціонныхъ копѣйкахъ, торговецъ потребовалъ бы сто полушекъ или ассигнаціонныхъ копѣекъ и получилъ бы чистаго серебра $1\frac{1}{80} \times 100$ доли, т. е. $101\frac{1}{4}$ доли его, что равно 25 нынѣшнимъ копѣйкамъ, теперь же, и по тому же сравненію цѣнности самаго дешеваго предмета съ предметомъ вновь продаваемымъ, онъ потребуеъ за него сто нынѣшнихъ наименьшихъ народовъ допущенныхъ въ торговлѣ представителей монеты, т. е. сто копѣекъ серебромъ, которые и получилъ въ видѣ 405 долей чистаго серебра, т. е. одного серебрянаго рубля, или въ четыре раза болѣе, чѣмъ при рублѣ Екатерининскомъ и ассигнаціонномъ. И вотъ гдѣ корень нашей дороговизны.

Такимъ образомъ два современные вопроса, весьма важные для Россіи, рѣшаются очень просто и ясно.

Мы не имѣемъ въ обращеніи звонкой монеты изъ драгоцѣнныхъ металловъ по той причинѣ, что изъ Россіи вывозится драгоцѣнныхъ металловъ за границу несравненно болѣе, чѣмъ ввозится изъ за границы къ намъ. Устранить это можно главнѣйше измѣненіемъ тарифа на привозные товары, обложивъ увеличенными пошлинами всѣ предметы роскоши, не исключая апельсиновъ и китайскаго чая, который, какъ сказано въ упомянутомъ уже здѣсь нѣсколько разъ 254-мъ № Сѣверной Пчелы, чрезъ крошечное кяхтинское окошечко быстро поглощаетъ наше серебро въ слиткахъ, въ издѣліяхъ и конечно уже и въ монетѣ. Кажется не будетъ особеннаго вреда ни для Россіи, ни для русскихъ, если это окошечко будетъ закрыто. Торговлею съ Китаемъ намъ слѣдовало дорожить только до того времени, пока мы могли сбывать чрезъ нее издѣлія нашихъ мануфактуръ; если же сбытъ ихъ прекратился, или значительно уменьшился, то подобная торговля, находящаяся въ неестественномъ положеніи и поддерживаемая искусственными средствами, не можетъ быть полезна для государства. Не будетъ бѣды и для насъ, русскихъ, если намъ будутъ привозить менѣе чаю высокихъ сортовъ; тогда они хотя и вздорожаютъ, но люди богатые будутъ имѣть средства покупать ихъ, а мы можемъ очень хорошо пить и кантонскій чай, который теперь продается съ аукціоннаго торга при таможнѣ, а тогда

63820

будеть привозиться къ намъ свободно моремъ. Да
впрочемъ и вообще будетъ полезно отучить насъ нѣс-
колько отъ излишней роскоши, въ большей части слу-
чаевъ превышающей наши средства. Конечно, будетъ
весьма полезно для той же цѣли, вмѣстѣ съ измѣнені-
емъ тарифа, принять мѣры и къ уменьшенію вывоза за
границу звонкой монеты, уходящей туда помимо тор-
говли, другими путями, указанными въ этой статьѣ,
что также можно, кажется, было бы устроить съ соб-
люденіемъ полной справедливости противъ лицъ, выво-
зящихъ изъ Россіи монету, а вмѣстѣ съ тѣмъ и съ
пользою для государственныхъ интересовъ.

Общая въ Россіи дороговизна всѣхъ предметовъ
имѣеть основаніемъ не упадокъ курса нашихъ кре-
дитныхъ билетовъ, не слишкомъ крупную монетную
единицу, въ видѣ нынѣшняго рубля серебромъ, но про-
исходитъ единственно отъ пренебреженія народомъ по-
ловинъ и четвертей серебряной копѣйки, или, какъ ихъ
вновь назвали съ 1849 года, денежекъ и полушекъ.
Если бы мы за рубль приняли нынѣшній четвертакъ
или 25-ти копѣчникъ, то, раздѣливъ его на 100 копѣ-
екъ, мы какъ разъ получили бы копѣйку, которой не
чуждался бы народъ и торговцы. и которая вмѣстѣ съ
тѣмъ была бы совершенно равна и ассигнаціонной ко-
пѣйкѣ и полушкѣ 1768 года. Тогда, конечно, въ два
или въ три года мы могли бы здѣсь, въ Петербургѣ,
покупать ржаной хлѣбъ по двѣ новыя копѣйки за фунтъ,
вмѣсто двухъ копѣекъ серебромъ, которыя платимъ за
него теперь. А хлѣбъ сталъ бы дешевъ, то, по русской
справедливой поговоркѣ, и все подешевѣло бы.

Г. А.

18 января 1860 г.

